

М.В. ПУЛЬКИН
(Петрозаводск)

**ВОЗВЕДЕНИЕ ЧАСОВЕН
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРИХОДСКИЕ ТРАДИЦИИ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Проблемам, связанным со строительством и предназначением часовен, посвящена довольно обширная литература. Прежде всего, это труды историков архитектуры, в которых рассматриваются конструктивные особенности этой разновидности храмов, принципы классифицирования церквей и часовен [Орфинский 1983], их убранство [Платонов 1998; Лютикова 1992]. Немаловажной составляющей исследования часовен является рассмотрение их генезиса и эволюции [Орфинский 1992]. Наконец, проблематика, связанная с часовнями, стала важным компонентом этнографических исследований [Панченко 1998]. Автор данной статьи, отдавая должное предшественникам, стремился найти собственное понимание проблемы строительства часовен. Так возникла идея статьи о законодательной регламентации строительства часовен, основных факторах, обусловивших появление законодательных актов о часовнях, противостоянии приходских традиций и закона.

В конце XVII в. православные часовни России обрели устойчивую связь со старообрядческим движением, превратились в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Старообрядцы Карелии отнюдь не были исключением: построенные ими часовни оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой сторонниками «древлего благочестия». Кроме того, в глазах представителей власти часовни ассоциировались с приходской автономией, а совершаемые в них обряды менее всего поддавались контролю. Оба эти мотива предопределили исключительно сложное, по большей части отрицательное, отношение духовной и светской вла-

сти к часовням и связанной с ними обрядности. В 1722 г. негативное восприятие часовен обрело форму закона: Синод принял указ о «разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых» [Описание документов 1868, № 606]. Отныне все усилия духовных и светских властей были направлены на радикальное сокращение количества часовен. Прочие подробности жизни прихода, так или иначе связанные с часовнями, совершенно не интересовали власть предержащих.

В царствование Екатерины I Синод разрешил моление в уцелевших часовнях, распорядившись, однако, надзирать за тем, чтобы не причинялось «святым церквам обиды и поругания» [Собрание постановлений 1881, т. 5, № 959]. В 1734 г. произошел возврат к петровскому законодательству: Синод распорядился не строить новых часовен на месте старых, а имевшиеся оставить в прежнем состоянии, надеясь, очевидно, на их естественное разрушение [Собрание постановлений 1881, т. 8, № 2804]. Такое компромиссное решение оставалось в силе в течение всего XVIII в. Оно повторено, в частности, в «Инструкции сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г., которым предписывалось новые часовни «строить не допускать, а кто тех селений <...> силою своею строить таковые часовни отважится, о том вам в канцелярию рапортовать немедленно, а где сотни вашей в селениях ныне часовни имеются, об оных в первоподаваемых рапортах изъяснить, кем и когда и по чьему приказанию построены» [Собрание законов 1830, № 14231].

Сокращение числа часовен наносило существенный урон материальным интересам церкви и, что не менее важно, «укрепляло эсхатологические настроения населения» [Зольникова 1990, 141]. В 1831 г. произошел осязаемый переворот в отношении Синода к строительству часовен. В марте 1831 г. высший орган церковного управления рассматривал представление олонецкого пресвященного «О существующих в Олонецкой епархии во множестве часовнях». Архиерей в первые годы своей деятельности, сразу после воссоздания Олонецкой епархии, оценил значение часовен

для религиозной жизни подведомственной ему территории, собрал подробные сведения обо всех имеющихся в епархии часовнях и привел их подробную классификацию.

По его мнению, часовни в Олонецкой епархии построены в связи с различными обстоятельствами. Во-первых, по случаю «каких-либо особенных событий в селениях, как-то: по случаю скотского падежа, неурожая хлеба и пр.». Во-вторых, в связи с обнаружением чудотворных икон, «при каковых часовнях бывают в известные времена особенно многолюдные собрания и к коим <...> по большей части бывают и крестные ходы из приходских церквей». Третья разновидность часовен связана с погребальной обрядностью: «некоторые выстроены близ селений в местах, где издавна погребают тела усопших». К четвертой разновидности относятся те часовни, которые «находятся в самих селениях и выстроены для богомоления по весьма значительной отдаленности от приходских церквей». И наконец, епархиальный преосвященный отмечал существование таких часовен, которые появились без всякой причины («кои по существованию своему не имеют ни одной причины из вышеписанных») [Собрание постановлений 1915, № 360].

Архиерей предлагал дифференцировать ограничительные меры в отношении часовен. Безусловно, нельзя было, по его мнению, оставлять часовни «без починки», ожидая их разрушения, поскольку может пострадать «весьма значительное» часовенное имущество. Некоторые часовни архиерей предлагал перестроить в церкви «для того, чтобы церкви были чаще». В ряде случаев часовни построены в тяжелые времена и «служили напоминанием о промысле Божиим, спасшем деревню от беды» и с их исчезновением «терялось бы в народе чувство молитвенного упования на Промысел Божий». Во многих часовнях вполне можно, по мнению преосвященного, сохранить традиционный порядок службы, но при том условии, чтобы «заведывание оными было священно- и церковнослужительское и церковным старостою через помощника ему того самого селения, где часовня». Полное раз-

рушение часовен могло привести к сохранению в деревнях лишь «чисто домашней раскольнической службы, когда не будет общих собраний даже и в часовнях, где более или менее остается еще чувство к вере господствующей» [Собрание постановлений 1915, № 360].

Поддержанное Синодом представление олонецкого епископа законодательно закрепило реально существующее отношение церковных властей и самих крестьян – строителей часовен к этой разновидности храмов.

Репрессивные меры к содержателям часовен применялись крайне редко. Как правило, в течение XVIII – XIX вв. разрушались те часовни, которые приобретали в глазах противников господствующей церкви особое, выдающееся значение. Если духовным властям становилось известно о существовании скрываемых от глаз начальства часовен, служащих местом сбора «раскольнических сонмов», то принимались решительные меры. Так, узнав из донесения священника о часовне с мощами местночтимых старообрядческих святых Киприана и Епифания, поклониться которым «многолюдством» приходили и местные жители, и паломники из Сибири, новгородский и псковский губернатор Я.Е. Сиверс в 1774 г. распорядился отправить в Олонецкий у. солдат. Часовня, судя по его рапорту в адрес Синода, была уничтожена [РГИА. Ф. 796. Оп. 55. Д. 425. Л. 2].

В середине XIX в. произошло законодательное закрепление подобной практики. В соответствии с правовыми актами российского государства, содержащимися в Своде законов, «построившие или перестроившие часовню или молитвенный дом без разрешения духовного начальства, подлежат суду, а самое здание – уничтожению» [Малютин 1863, 155]. В то же время существование тех часовен, которые были известны «с древних времен», представлялось духовным властям вполне приемлемым. Как говорилось в «Уставе духовных консисторий», «издревле построенные благочестивым усердием православных предков часовни <...> должны быть сохраняемы, а потому и возобновляемы быть могут» [Ивановский 1883, 93]. Аналогичное от-

ношение к строительству часовен сохранялось и в начале XX в.: «Устав строительный» предписывал епархиальным архиереям контролировать строительство часовен и позволять их возведение «по достойным уважения причинам» [Устав строительный 1901, 424]. Итак, исследование церковного законодательства показывает, что надзор за «никонианскими» часовнями в XVIII в. не был слишком придирчивым, а в XIX в. — постепенно смягчался.

Обратимся к делам, обнаруженным в архиве Олонекской духовной консистории. В тех исключительных случаях, когда строительство новых часовен разрешалось, оно было связано с временными потребностями, а новоявленная часовня рассматривалась как филиал приходской церкви. В 1786 г., например, крестьяне д. Тивдии Петрозаводского у. подали в Синод прошение, в котором указывали, что «наперед сего» у них была часовня, которую они «по согласию всего общества разрыли» (что указывает на достаточно вольное, несмотря на законодательные ограничения, обращение с культовыми зданиями). Синод, посетовав на самоуправство крестьян, разрешил им, как видно из обнаруженного в деле указа, построить новую часовню, приняв во внимание традиционный аргумент — невозможность посещения расположенной в семи верстах церкви «как за удалением, так и за водами и распутами». Накопленное «от подаяний добрых людей», за исключением средств на покупку свечей и ладана, прихожане обязывались вносить в «приходскую свою церковь» [РГИА. Ф. 796. Оп. 69. Д. 184. Л. 1 об.].

Из других дел, посвященных данному вопросу, видно, что подход к проблеме строительства и содержания часовен, скорее всего, был дифференцированным. Важно отметить, что конкретные решения принимали исходя из обстоятельств местные духовные власти на самом низшем уровне. Никаких признаков того, что при этом учитывались законодательные требования, не отмечается. В XVIII в. строить часовни разрешалось в тех местах, жители которых не могли регулярно посещать церковь. Например, в при-

казе поповского старосты Лопских погостов, адресованном в 1766 г. священнику Федору Космину, «накрепко запрещалось» служить в часовнях, расположенных в Тунгудском стану и в Машезере. В то же время часовни в Берёзове наволоке и в Кевять-озере поповский староста разрешал посещать, поскольку эти населенные пункты «от приходской нашей церкви имеются в дальней расставянии и роспутою» [НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 1/1. Л. 29]. Аналогичным образом был решен вопрос, возникший в связи с прошением, направленным в 1793 г. в консисторию от часовенного старосты Митрофана Федорова и мирского старосты Самойлы Никитина «с мирскими людьми» «о пристройки при стоящей в их Уножской волости (Колодозерский приход Пудожского у. — М.Л.) в деревни Лукострове часовни во имя пророка Илии алтаря и о бытии той часовни церковию». Часовню крестьянам, как видно из указа консистории, иметь разрешалось. Церковь же строить позволено не было и велено «относиться в требах к той церкви, к которой приписаны» [ГААО. Ф. 29. Оп. 9. Д. 147. Л. 52 об.]. Явно в обоих случаях духовные власти, оказавшись перед выбором: разрешить строить и ремонтировать часовни или вовсе лишить крестьян доступа в православный храм, — предпочли всё же первый путь.

Невозможность административного давления на строителей часовен была также связана с ограниченностью контроля, который отнюдь не был повсеместным. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что духовные власти не располагали полной информацией о строительстве часовен и создаваемых при них приходах. В 1795 г. благочинный Ефим Иванов, как видно из его рапорта в Петрозаводское духовное правление, объезжая приходы «для разных казенных исполнений», обнаружил пять часовен, при которых «в противность законов» хоронили умерших. Зная, что отношение к погребению при часовнях в приходах было различным, Ефим Иванов не мог утверждать, «сами ли собою вышесписанных деревень крестьяне погребение чинят самовольно, или с позволе-

ния приходских священников» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/37. Л. 1].

Примечательно, что приходское духовенство довольно часто распоряжалось о строительстве или реконструкции часовен по собственной инициативе и вопреки требованиям закона. Так, в 1811 г. в Новгородской духовной консистории рассматривалось дело о покрытии новым тесом одной из часовен, расположенных в приходе Олонецкого Николаевского собора. В ходе следствия выяснилось, что часовня «возобновлена» за счет сумм, незаконно выделенных из часовенной казны, которая по существующим правилам должна целиком передаваться в казну собора [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 19/36. Л. 1]. Аналогичное дело рассматривалось Олонецкой духовной консисторией в 1871 г. Священник Кенозерского прихода был обвинен в освящении незаконно построенной часовни. При рассмотрении дела консистория ссылаясь на указ Синода, датированный 25 августа 1865 г., в котором духовным консисториям предписывалось «делать окончательные постановления об уничтожении или об оставлении тех часовен, которые оказались бы построенными или перестроенными без разрешения духовного начальства» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 19/36. Л. 11 об.—13]. В обоих случаях дело расследовалось дополнительно и результат остается неясным.

Напротив, случаи, когда приходское духовенство или даже церковные власти в вопросе о строительстве часовен следовали букве закона, крайне редки. Вполне вероятно, что представители местной духовной власти стремились избежать обвинений в ослаблении бдительности. Примеры противодействия строительству часовен сохранились среди дел Олонецкой духовной консистории, которая в 1793 г. запретила строительство часовен близ деревень Кичаковской и Росляковской. При этом в указе подчеркивалось, что, «ежели кто дерзости своею где начнет часовню строить и постройт, и кто до оного строения допустит, с таковыми людьми велено поступать как с преступниками по силе указов» [НАРК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 2/18. Л. 4]. Такое распоряжение прозвучало

несомненным диссонансом на фоне всех других решений о строительстве часовен: в большинстве случаев жизнь подталкивала к компромиссу как местное духовенство, так и Синод.

В условиях, сложившихся в XIX в., местная власть смогла получить важное преимущество в сдерживании инициативы прихожан благодаря требованиям «Устава строительного», изданного в 1857 г. Этот документ предписывал строить и «возобновлять» часовни «по планам и фасадам, утвержденным где следует» [Устав строительный 1901, 424]. Материалы делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывают, что это предписание неукоснительно выполнялось. Так, в 1879 г. Олонецкая духовная консистория обратилась в строительное отделение при Олонецком губернском правлении с просьбой утвердить план и смету на строительство часовни в Вешкельском приходе. При этом консистория указывала, что часовня строится на месте «прежней церкви, построенной в 1654 году и за ветхостию назначенной к срытию» [НАРК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 19/5. Л. 3—3 об.]. В дальнейшем составление плана и сметы перед началом строительства или реконструкции часовни стало обычным делом [НАРК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 21/10. Л. 1].

Со своей стороны, у крестьян были достаточно веские основания вновь и вновь обращаться в органы власти различных уровней с прошениями о строительстве часовен, пытаясь преодолеть существующие и вновь возникающие препоны. Это, как подчеркивалось выше, огромные размеры приходов и, следовательно, трудности, особенно остро ощутимые при провозе к церкви умерших. (Полный отказ от православных обрядов крестьяне, тем не менее, не допускали.) Другой фактор — традиция, в соответствии с которой строительство часовни велось в память о каком-либо знаменательном событии в жизни деревни. Так, в Толвуйском приходе Петрозаводского у. в д. Боровской крестьяне в 1791 г. построили часовню «по случаю избавления от скотского падежа» [Толвуйский приход 1891, 15]. Самовольное возведение часовен такого рода пресекалось в

начале XIX в. Так, в 1809 г. новгородский митрополит запретил крестьянам Заднедубровского прихода Каргопольского у. строить часовни во имя Животворящего Креста Господня и преподобного Макария в память об избавлении от эпизоотии («скотского падежа»). Митрополит рассудил, что «не обещания часовни строить услышаны от Бога, а при покаянии вознесенные к нему молитвы и обещание жить добродетельно и православно» [НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 90/1930. Л. 1–1 об.].

Ссылки на затруднения при исполнении обрядов также далеко не всегда обеспечивали успех крестьянским прошениям. Так, в 1820 г. крестьяне Водлозерской Ильинской волости обратились в Новгородскую духовную консисторию с просьбой разрешить строительство часовни взамен «по случаю несчастному згоревшей». В качестве аргумента в пользу строительства в прошении, составленном крестьянами, указывалось на затруднения при посещении приходской церкви: «Деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее времена за распутием, а в летнее иногда за сильными погодами, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожанам притти не можно». Консистория распорядилась и в данном случае «вовсе отказать» прихожанам, ссылаясь на указ 1734 г., категорически запрещающий строить часовни [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 29а/75. Л. 2].

В 1837 г. аналогичное распоряжение консистории получили крестьяне Гимольского прихода, самовольно построившие православную часовню в д. Калюшиной Горе: возведенная ими часовня во имя Кирика и Иулитты была разобрана [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 46а/246. Л. 6]. Сходное распоряжение получил благочестивый крестьянин Каргопольского у., намерения которого вполне укладывались в рамки существующей традиции. В 1807 г. он обратился к епископу с просьбой разрешить построить часовню «за благополучное сохранение покровом Пресвятой Богородицы от падежа дому моего скота», но получил отказ со ссылкой на распоряжение Синода

о запрете строить часовни [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/24. Л. 1].

В дальнейшем, как сказано выше, запреты преодолевались благодаря настойчивости прихожан и смягчению позиции епархиального архиерея. Во-первых, в ряде случаев часовни сохраняли свое архаическое значение предшественниц церкви, и строительство часовен по этой причине приобретало дополнительное оправдание. В цитированном выше представлении олонецкого епархиального архиерея, в частности, отмечалось: «Есть пространые (часовни. — М.П.), с хорошими иконостасами, с книгами и колокольнями, так что, при весьма небольшой издержке, может быть исправление часовни в церковь сделано». Например, в 1803 г., при существовании законодательного запрета на строительство часовен, было сделано исключение для прихожан Ковежского прихода Каргопольского у., которые обратились к епархиальному преосвященному с просьбой о построении часовни «по случаю згорения в том приходе церкви». Аргументом, как и всегда в подобных случаях, послужила необходимость совершения «хотя малых мирских треб, как-то: крещение младенцев, отпевание усопших» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/7. Л. 1].

Во-вторых, внимательный анализ материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывает, что главным аргументом в пользу строительства часовен для консистории стала экономическая выгода: возможность создания еще одного центра свечной торговли, приносящей церкви ощутимый доход. Именно это предназначение часовни позволяло преодолеть существующие запреты, а в конечном итоге, вероятно, способствовало сохранению часовен как особой разновидности храмов. В 1824 г. Новгородская духовная консистория, явно отказываясь от своей принципиальной позиции, разрешила возведение часовни близ Предтеченской церкви в г. Каргополе. Основным аргументом при строительстве стало намерение «усердствующих граждан» соорудить часовню «для жительства и продажи свеч церковному сторожу» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33/83. Л. 7]. Наоборот, не приносящие до-

хода часовни упразднили. Так, в 1837 г. Олонецкая духовная консистория, рассмотрев дело о «весьма обветшавшей» часовне, расположенной в Воезерском приходе, приняла решение о ее уничтожении «по незначительности поступающих в нее доходов» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 45/55. Л. 1].

Забота духовных властей о сохранении часовен как источника пополнения казны приходской церкви проявилась также в беспокойстве духовной консистории по поводу того, каким образом организован учет находящегося в часовнях имущества и поступающих приношений. В 1830-е гг. в документах консистории появляются данные о привлечении церковных старост на часовенные праздники, во время которых часовни получали наиболее обильные приношения. Старосты собирали деньги, делали соответствующие записи в приходно-расходных книгах и возвращались к исполнению своих основных обязанностей [НАРК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 21/291. Л. 4–6]. Но и после этих мер в делах духовного ведомства отмечалось, что в некоторых приходах Олонецкой епархии сохраняется своеобразный «часовенный сепаратизм»: «Приметно, что на часовни в принадлежности их к церквям не довольно обращают внимания (духовные власти. — *М.П.*), оставляя часовни как бы в заведывании местных крестьян, отчего в сих последних иногда зарождается приверженность к своей часовне, с оставлением приходской церкви, а церкви несут ущерб, как по части усердия взносов, так и по части усердия ко всем христианским обязанностям, в церкви исполняемым» [НАРК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 39/30. Л. 1].

Таким образом, возведение часовни, как говорилось выше, было связано с исполнением обрядов (главным образом — погребения) в тех деревнях, которые располагались слишком далеко от церкви или в тех приходах, где влияние старообрядчества приводило к полному отказу от исполнения обрядов приходским духовенством. Заметим, что существование значительной части часовен в XVIII — XIX вв. становилось возможным именно благодаря находящимся при них клад-

бищам. Как пишет Т.Б. Щепанская, «святые места» довольно часто были «помечены знаками смерти» [Щепанская 1995, 131]; «знаками смерти помечались не только святые места и люди, связанные с ними, но и средства, продукты, вещи, передаваемые в эту систему» [Щепанская 1995, 133]. Прилегающая к часовне территория осознавалась как место погребения и приходским духовенством. Правда, в Олонецкой епархии такого рода воззрения становились источником конфликтов. Например, в 1823 г. крестьяне Лумбозерской трети Паданского прихода не допустили священника в расположенную при старообрядческом кладбище часовню, где он намеревался совершить погребальный обряд, «отзываясь, что у них часовня по старообрядчеству, <...> а если могут, то пусть идут в часовню и разломают дверь». Примечательно, что в данном случае в отношении «раскольников» не были применены репрессивные меры. Наоборот, Олонецкое губернское правление распорядилось «сделать повсеместное священникам воспрещение, чтобы они не делали никакого раскольникам притязания» [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 29а/75. Л. 2].

В ряде случаев часовня становилась центром местных праздников, судить о которых мы можем, в частности, на основании довольно незначительных по объему и чрезвычайно туманных свидетельств представителей местных духовных властей. Так, в 1824 г. в Лекшмозерском приходе Каргопольского у. был обнаружен «деревянный крест, обрубленный на манер часовни», к которому регулярно приходило «немалое количество народа для богомоления», а также поступали деньги, холст «и прочее». Все дары хранились в доме одного из крестьян. О характере обрядов, совершаемых близ креста, сведений не сохранилось. Но внешний облик этой местнотимой святыни послужил достаточным основанием для принятия репрессивных мер. «Самовольно построенный крестьянами крест, обрубленный на манер часовни», был «разобран», а хранящиеся в домах у крестьян подношения переданы в ближайшую церковь [НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33а/102. Л. 4].

Более определенные выводы позволяют сделать этнографические исследования, согласно которым большинство деревенских праздников у вепсов «посвящалось святым или событиям православной истории, в честь которых была построена деревенская часовня» [Винокурова 1996, 109]. Поскольку, как говорилось выше, часовни довольно часто строились по случаю прекращения «скотского падежа», то сама часовня становилась центром праздника, связанного с окончанием эпизоотии. При этом «жители пригоняли скот к местной часовне, где приходской священник служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах. <...> После совершения ритуала пастух выгонял скот на пастбище» [Винокурова 1996, 110]. В некоторых случаях часовенные праздники сопровождалась ритуальным пиром – поеданием «мирского» (вскормленного всем «миром») быка [Рыбаков 1988, 130]. В дальнейшем часовни такого рода оставались предметом почитания. Так, заонежане в случае эпизоотии ходили замаливать грехи в д. Рим, «где стояла заветная, построенная по случаю скотского падежа за один день часовня Ильи Пророка» [Логинов 1993, 34].

Итоги длительных усилий, связанных со строительством часовен в Олонецкой епархии, отражены в статистических сведениях, составленных на основании отчетов петрозаводского полицмейстера и уездных исправников в 1910 г. Довольно многочисленными к этому времени стали городские часовни (что косвенно указывает на поддержку строительства часовен городскими властями и стремление горожан обзавестись этой разновидностью храмов). Так, в Петрозаводске, являвшемся центром епархии, располагалось 15 часовен, в Олонце – 3, в Лодейном Поле – 6, в Вытегре – 5, в Пудоже – 7, в Повенце – 5. Из всех городов Олонецкой епархии только в Каргополе к началу XX в. часовни отсутствовали. Еще более значительным было количество часовен в уездах – в сельских приходах Олонецкой епархии. Наибольшее количество – 350 часовен – располагалось в Петрозаводском у. За ним в порядке убывания следовали

Вытегорский (271 часовня), Каргопольский (267), Пудожский (224), Лодейнопольский (212), Олонецкий (192), Повенецкий (170). Общее количество часовен в епархии к 1910 г. составило 1727, т.е. по 3 часовни на каждую приходскую церковь [НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 26/407. Лл. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158].

Таким образом, приходские традиции оказались, по крайней мере в вопросе строительства часовен, сильнее законодательных ограничений. Длительная борьба против возведения часовен, инициированная центральной властью, в XVIII в. была малоэффективной из-за слабой исполнительской дисциплины, невозможности контроля за происходящим в глухих деревнях, двойного стандарта в отношении к старообрядческим часовням и часовням, построенным приверженцами официального православия. В дальнейшем, в начале XIX в., борьба против часовен и связанных с ними традиций приходской жизни продолжалась столь же безуспешно. Постепенно настойчивые прошения прихожан, с одной стороны, и лояльная по отношению к верующим позиция местных духовных властей – с другой, привели к ослаблению давления на строителей часовен. К середине XIX в. часовни были реабилитированы, и связанная с ними обрядность стала неотъемлемой частью религиозной жизни в Олонецкой епархии.

Литература

Винокурова 1996 – Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996.

Зольникова 1990 – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990.

Ивановский 1883 – Ивановский Я. Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883.

Логинов 1993 – Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993.

Лютикова 1992 – Лютикова Н.П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII – XIX вв. // Русский Север: Ареалы и

культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.

Малютин 1863 – *Малютин Ф.* Извлечение из Свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. (Издание 1857 г.). СПб., 1863.

Описание документов 1868 – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1.

Орфинский 1983 – *Орфинский В.П.* Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983. С. 17–27.

Орфинский 1992 – *Орфинский В.П.* Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 32–62.

Панченко 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Платонов 1998 – *Платонов В.Г.* Часовня пророка Ильи в деревне Шелтопорог и ее убранство (к вопросу о судьбах художественного наследия Выгоречии) // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 298–301.

Собрание законов 1830 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19.

Собрание постановлений 1881 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1881.

Собрание постановлений 1915 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование государя императора Николая I. СПб., 1915. Т. 1.

Рыбаков 1988 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.

Толвуйский приход 1891 – *П.И.П.* Толвуйский приход. Петрозаводск, 1891.

Щепанская 1995 – *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Устав строительный 1901 – Устав строительный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. Вып. 1. С. 417–425.

Список сокращений

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

НАРК – Национальный архив Республики Карелия.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

И.К. ЗАГИДУЛЛИН

(Казань)

МЕЧЕТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В исламе, как и во всякой религии, важное место отводится ритуалу: ежедневная пятикратная молитва (*намаз*) является одним из пяти его условий.

Слово «*мадсжит*» (*мечеть*) переводится с арабского языка как «место, где совершаются земные поклоны», или молитвенное здание ислама [Ислам 1991, 160]. Общественное богослужение в храме во многом обусловлено обрядом молитвы, который в исламе имеет несколько уровней: ежедневный, пятничный, Фитр (годовой после окончания месяца Рамазан) и Аид (годовой в память жертвоприношения Ибрагима). «Общая молитва, совершаемая человеком, превосходит его молитву дома или на рынке на двадцать пять ступеней по той причине, что если он совершил омовение должным образом, а потом вышел из дома только ради того, чтобы совершить молитву в мечети, то в этом случае за каждый шаг, сделанный им, он обязательно будет возвышаться на одну ступень и с него будет обязательно сниматься одно прегрешение, а когда он приступит к молитве, ангелы не перестанут молиться за него, пока он будет оставаться на месте молитвы» [Уроки молитвы 2002, 18–19]. Эта цитата наглядно показывает побудительные причины совершения мусульманами общественных молитв.

В широком понимании мечетью, по исламу, может стать любое пространство, местность. В конце XVIII – начале XX в. в Волго-Уралье, регионе с умеренным континентальным климатом, среднестатистическая мечеть представляла собой деревянное здание с минаретом или без него, с сенями и одним или двумя залами. По установленным правительством